

Виктор ВЛАСОВ

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

18+

@ЭЛИТА

Виктор Власов

Сон в зимнюю ночь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23171906

Аннотация

На что готов обыкновенный творческий сибиряк и студент, чтобы разнообразить скучную жизнь? Порой на сумасшедшие поступки – влюбляясь, можно забыть настолько, что даже не пожалеть научно-технический прогресс и разрушить любой запрет...

Молодой учёный по имени Виктор втягивается по уши в своё гениальнейшее творение – девушку-андроида. Он буквально бредит мыслью, что оживит сей кибернетический механизм и вдохнёт в него человеческую сущность.

Однако у начальства свои планы на эксплуатацию робота, они не оправдывают ожидания учёного. Виктор решает похитить опытный образец из лаборатории родной корпорации и последствия его не интересуют вовсе. Любовь создателя сильнее любых предостережений.

Какая связь между студентом-сибиряком и учёным, работающим в проектной команде по созданию киборгов? В этом предстоит разобраться читателю.

Содержание

Наблюдение	4
Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Власов

Сон в зимнюю ночь

Наблюдение

Монотонное проживание на земле гомо сапиенсы разнообразят различными способами. Главное – занятие должно приносить удовольствие, не оставляя шанса рутине серых будней растворить духовную монаду.

Проще говоря, чтобы реальность не наскучила, и дни не превращались в тусклое скопление безвкусного воздуха, активные люди подсознательно стремятся заполнить окружающее пространство впечатлениями. Они с переменным успехом пробуют себя в разных сферах деятельности: ходят в спортивные секции, «дабы не одряхлеть совсем», в экстремальные походы, на акулю рыбалку, в тайгу – кормить комаров и тигров. Любое движение мысли или мышц сулит прогресс бытию – так считают романтики.

Чем бы дитя ни тешилось – лишь бы не вешалось, парируют циники, предпочитающие увлекательным впечатлениям приятные ощущения. Они играют в крутые компьютерные игры, требующие недешёвого графического оборудования, просматривают красочные фильмы-фэнтези, где рыцари размахивают магическими мечами, вытаскивая из пле-

на всяких девушек. Иные развлекаются по старинке: читают книги, отлёживая бока, напрягая зрение, искривляя позвоночник.

В среднем, компромиссном варианте, все мы – слушая музыку, посещая какие-то мероприятия – мечтаем, общаемся, становясь друг для друга позитивными или негативными раздражителями, полезными или вредными: зависит от дозы и дистанции общения.

Но есть и такие, кто в ситуации душевного распада и лениности непомерно разросшегося тела ничего не делают, упоывая на произвольную перемену существования, на помощь друзей и знакомых. Если ожидаемого поворота событий не происходит – они ставят на себе крест, и становится хуже. Апатичность да бесцветность мира отравляют их бытие навсегда.

Не всякому дана выносливость переть по жизни, высунув язык, не каждому доступен кайф от мелких радостей. Но если хочется «*такого-этого*»... что делать человеку, которого уже напрягает общество, но ещё не разложившемуся морально и не разросшемуся телесами, точно гибридный вид, а просто ленивому? Такому, как мне? Поспать...

Глава 1

Суровое сибирское утро

Голос мамы, добрый и тихий по жизни, сквозь сон слышался противно и глубоко, словно исходил из недр Марианской впадины:

– Витя, пора вставать.

От резкого электрического света, ужалившего сквозь приоткрытые веки, я напряжённо зажмурился, вдавил голову в подушку. Мама не выключала свет, не уходила из комнаты – задалась целью разбудить в семь утра единственного сына.

– Опоздаешь в институт, – её голос смягчился.

– Отстань, уйди! – я поразился, как чуждо прозвучал мой собственный голос.

Она наклонилась, стянула одеяло, и холод обуял меня вместе с гневом, я вздрогнул. Волей-неволей поднялся, пошёл в душевую. Из красного крана горячая вода пошла не сразу.

– Бли-ин, на фиг! – бросил я, отскочив. Надо было матери соврать, что мне ко второй или к третьей паре.

Позже, сидя за столом и тупо глядя на гречку с жирной сарделькой, припоминал, какие пары сегодня, и какое домашнее задание к ним требовалось.

– Отец два часа назад пошёл на работу, а ты дрыхнешь,

как сурок! – улыбнулась мама. Я всегда удивлялся способности отца вставать мгновенно, «как штык». Щёлк – и к бою готов. Так говаривал дед, ветеран войны, а я сравнил бы с роботом...

На улице очень холодно, градусов сорок, не меньше. Голубовато-серыми буграми в палисаднике лежал снег; из сугробов безжизненными острыми клешнями торчали голые ветки кустарника, деревья поднимались кривыми метёлками к бледно-фиолетовому, как раствор марганца, небу. Подъездная дорога вдоль палисадника моего дома давно пятнистая из-за утечек масла от снующих день и ночь автомобилей. С тёмно-коричневыми и лиловыми разводами застывшей грязи, она ныряла между огромных труб, упакованных в задубевшую рыжую монтажную пену, огибала коллектор теплотрассы, из которого валили облака белоснежного пара; там всю зиму, как фрицы в доте, жили бомжи. Земля у теплотрассы – цвета сожжённой резины, словно впрямь тут гремели бои; в дни потеплее здесь грелись несколько бездомных кошек – куда они девались в самые холода, непонятно. Во дворе между турниками на верёвке, выстывая, болталась белая замёрзшая футболка, от мороза превратившаяся в пластмассовую ледянку. Оставленная тут со вчерашнего дня хозяйкой, она подыгрывала скрипом окостеневшему, словно хвост гремучей змеи, шуршащему воздуху. Толстый снеговик с окоченевшей морковкой вместо носа, облитый водой, застыл и превратился в сосульку. Брызги во-

ды попали на крашеное резиновое колесо от К-700, потрескавшееся от времени и облюбованное ребяtnей под лавочку для вечерних шумных посиделок. Своре этих пакостников принадлежали кучи кожуры от семечек и следы на снегу вокруг снежной горки, разваленной пинками. Снова наша старшая по дому отправится в поход по квартирам, чтобы найти разрушителей и заставить их восстановить детский городок. В очередной раз пропал металлический мини-аттракцион: на месте детских качелей торчала из снега отрезанная кусачками проволока. Знакомый бомж, припарковав тележку с огромным капроновым мешком, сколоченную умелыми руками, подобрал «улики» – банки из-под пива. Медленно толкнув свой «грузовик», он покатил к теплотрассе, вопрошающе оглядывая невыспавшихся прохожих. Кто-нибудь замечал, что человек в семь-восемь утра, в лютый мороз, не похож сам на себя? Каждая клетка организма, сжимаясь, сохраняет тепло, и потому в такую минуту люди кажутся инопланетянами. Белый пар струями выходит из покрасневших носов, а щёки румяные, словно тесто слоёного печенья.

Я шёл не торопясь, размеренными шагами, не хотел поскользнуться, как в прошлый раз – ботинки у меня скорей осенние, не зимние. Слабое мяуканье царапнуло сердце и заставило взглядом пошарить по земле. Крохотный чёрный котёнок с горящими глазками дрожал и жался к трубе теплотрассы. Мы глядели друг на друга. Я не мог взять его домой: Барсик будет страшно недоволен. Вытащив из сумки бутер-

брод, я лишил его толстых кусков колбасы и сыра. Котёнок облизнулся, продолжал дрожать и глядеть преданными глазами. Взяв кроху в руки, я нашёл отверстие подвала в кирпичном доме, где тепло. Засунул туда котёнка, колбасу да сыр. На миг я точно прозрел, обрадовался тому, что сделал кое-что хорошее: уберёг пушистое создание от голода.

Сзади раздался короткий громкий сигнал: водителю наскучило тянуться за мной и моими минорными мыслями.

– Козёл! – я ринулся на обочину.

На остановке – толпа раздражённого народа. Встречая и провожая бело-серые и чёрные маршрутки, люди топтались на месте, словно стадо баранов перед закрытыми воротами. Среди их сутулых, широких и покатых плеч показалось маленькое треугольное лицо, обтянутое сеткой длинных морщин; на голове выбивалась из-под шапки засаленная копна крашенных бледно-жёлтых волос. Тулуп сидел на женщине неловко, словно вывернутый наизнанку.

– Я внештатная сотрудница мэра, хожу, смотрю, чтобы порядок соблюдали. Бывает, занимаются незаконной продажей несертифицированных продуктов у магазина. За аренду площади надо платить.

– Тебя знаю... больная, – отмахнулся один, прижав к себе сумку. – Вали отсюда!

– Как смеее? Милиция!.. Помогите, – приковыляла она к знакомому мне таксисту, Илюхе, который, махнув рукой, поздоровался со мной.

– Ненормальная, иди в баню, пока монтировкой не огрел!

– Ты импотент, не мужчина, раз так отзываешься о женщине... обо мне.

– А-а, притворяешься больной, да? Подойди, – Илюха расстегнул ширинку. – Залазь и щупай!

Сумасшедшая, не дожидаясь зелёного сигнала светофора, побежала через дорогу к стационарной милицейской будке. Ей невдомёк, что зимой «сторожка» пуста. Она, впрочем, всегда пуста, когда вам бывает нужен страж порядка – те чаще появляются, чтоб уличить вас в превышении предела самообороны и оставлении хулигана и грабителя в беспомощном состоянии, угрожающем его здоровью.

В углу остановки, «карманном местечке» таксистов, свои выгоняли двоих чужих. Залётные, держа оборону, страшали связями с криминальными кругами. Но местные таксисты тоже не вчера родились. В гневе они походили на псов, у которых отбирали сахарную кость, – подумал я, забывая о том, что работяги кормят семьи, им конкуренты-бомбилы не нужны. Парни уехали.

Поверх мигающих поворотниками легковушек уныло смотрели глухими окнами частные дома. Струи дыма из труб и кирпичных дымоходов стекались в пепельное вонючее облако, и оно напоминало гигантскую многоногую инфузорию, монстра-душителя.

Токоприёмники троллейбуса сошли с проводов; большой железный таракан встал, шевеля усами, за ним образовалась

пробка. Оранжевая женщина, выпрыгнувшая из кабины, залезла на крышу.

Нужная мне маршрутка стояла на светофоре, готовилась вильнуть к толпящемуся народу. Все торопятся, всем нужно уехать! Адреналин взбодрил кровь, разогрев мышцы, отогнал собачий холод. И это называется «Посёлок Южный»! Что тогда делается на улицах «Северных»?..

«Триста девятнадцатая» издала протяжный сигнал – толпа настолько заполонила остановку, что вылилась и на дорогу.

– Стоя не берём! – крикнул водитель.

– Что вы делаете, женщина? – возмутился мужик; его подтолкнула старуха, которую в свою очередь пихал я. – Как звери! Красные наступают, что ли? – у водилы ещё оставались нервы на юмор.

Попытка проехать стоя была принята в штыки.

– Не поеду, выходите! – отказался водитель. – Пятьсот рублей у меня не лишние, а вы штраф платить не станете.

– Опаздываю, командир, – парень с «дипломатом» искажился в лице.

– Нет.

– Сволочь! – хлопнул дверью в ответ «отверженный».

Водитель – тёртый калач, на хамство не ответил. «Тяжела и неказиста жизнь маршрутного таксиста» – вспомнил я читанное на чьём-то грязном борту.

Музыка в маршрутке стала чуть тише, яркий свет рез-

ко очертил досыпающих людей. Довольный удачей, я оглядел счастливо расслабившихся пассажиров, заметил девушку, которая наверняка тоже не выпалась, но узнала меня, каждое утро пробивавшегося в маршрутку сквозь толпу. Её глаза, большие и шальные, украдкой пробежали по мне и скользнули за окно. Девушка сняла чёрные кожаные перчатки, нетерпеливыми руками раскрыла сумочку. Белые, как сливочный крем, продолговатые пальцы достали мобильный телефон. Ангельское обрамлённое волнистыми локонами лицо оживилось: мечтательная улыбка, очаровательные ямочки в уголках пухлых слегка накрашенных красноватых губ. Белые цветы на коричневых блестящих ногтях легко сплясали по клавиатуре. Сжав телефон в руке, она сидела не шелохнувшись. Прошло несколько секунд – и никакого ответа. Губы её дрогнули, она раздражённо забросила телефон в звонкое содержимое сумочки. Несколько минут сидела смирно, затем поёжилась, и снова пальцы забрались в сумочку, достали блокнот. Острый взгляд опустился на строчки, аккуратный носик задёргался точно у хорька, едва слышно втянув воздух.

Я любовался ею в третий, а то и в четвёртый раз. Уходя в мысли, засматривался на неё, медленно переводя взгляд сверху вниз и снизу вверх. Куртка скрывала стройное тело с довольно большой грудью, сильно натянувшей серебристую молнию замка. Линия бедра, подчёркнутая красной полосой на брюках... фигура привлекательная, ладная, словно у

спортсменки по фитнесу. Сапоги длинные, лакированные, на высоком каблуке, голяшки завязаны кожаными шнурками крупным бантиком.

«Столько раз встречаемся – и не могу познакомиться! – подумал я раздосадованно, быстро отведя глаза, чтобы ускользнуть от кроткого таинственного взгляда девушки. – У неё волосок с чёлки на реснице мешает глазам. Неужели не чувствует?»

Моя предприимчивая сторона подталкивала на подвиг:

– Наклонись, да скажи ей чего повеселей, не грузись!

А малодушная словно держала в тисках рассудок и тело:

– Я толстый! Зачем красивой девушке парень, который бекает-мекает, как прыщавый школьник? Наверняка она подумает, что я навязчивый, глупый и скучный... Может, я просто ЛОХ?!

Так бился я меж двух стихий, упуская шанс познакомиться с девушкой.

Мой институт из-за отказа в аренде переехал в район Старо-загородной рощи. От «Южного» туда шли немногие маршрутки, а ездить с пересадкой выходило накладно – поэтому почти каждое утро я опаздывал на учёбу.

В это утро мне повезло: Маргарита Афанасьевна, мой нелюбимый учитель аналитического чтения, сама опаздывала на занятие.

После пяти пар хотелось спать, но по расписанию шла тренировка.

Под вечер мне сделалось дурно, а к ночи поднялась температура и морозило. Продуло, промёрз, простыл. Я проклинал сибирскую зиму и Сибирь вообще. Не моя земля, думал я, принимая с маминой руки аспирин и малиновый сироп. Вот бы сейчас слетать на юг и понежиться на солнце! Болезни как рукой смахнуло бы. Тяжело вздохнув, я забрался под одеяло, а мама сверху вдобавок укрыла тёплым пледом:

– Завтра на улице потеплеет. К утру всё пройдёт. Спи, мальчик мой.

Неизвестно, от лекарства, или от материнской любви, но через некоторое время я почувствовал, как температура спала. Стало легко, и сон сладко манил в свои объятия. Надежда на лучший день – без хвори, серости и мрачных мыслей – загорелась со звёздами на лиловом небе, принесла успокоение в душу. Наверное, подумал я, простуда так быстро отступила потому, что мама меня очень любит.

Глава 2

Вторая жизнь

Перед глазами, словно на повышенной скорости кто-то прогоняет яркую киноленту, пролетает целая жизнь. Чужая жизнь! Я не узнаю родной город: здесь всё не так. В этой жизни я молодой учёный – программист-конструктор. У меня интересная и важная тема. Несколько лет я пишу обучающие программы для аппаратов, обслуживающих инвалидов... то есть, извините, людей с ограниченными физическими возможностями. Наш отраслевой НИИ Технического Машиностроения когда-то в стародавние времена создавался как бюро по автоматизации, внедрению робототехники и отладки конвейерных линий. Меня, молодого специалиста, назначили в проект, в успех которого никто не верил: сидя на голом окладе, я принимал участие в НИОКР – опытном производстве механических игрушек, имитирующих поведение животных. Ну, как японцы... почти. Штучные игрушки, даже для богатых фирм – дорогое удовольствие.

В отделе мы занялись миниатюризацией электронных схем и подстройкой киберинформации к управляющим импульсам мозга. В коридорах и в столовке замелькали люди в белых халатах не нашего кроя – медички, нейрофизиологи. Это дело было новое, неопробованное, «старые кадры» толь-

ко похлопывали нас по плечу да иронично улыбались, проводя параллели с первыми ракетчиками, ГИРДом – «группой инженеров, работающих даром». Сравнение лестное, но потянем ли мы?

Никто не верил, да, а мы, пораскинув мозгами, обкурив с медициной кой-какие идеи, изготовили-таки аппарат... Я не должен рассказывать детали, даже намекать не вправе – подписку давал о неразглашении – может быть, вам покажется неправдоподобным... да и хорошо.

Очередная, уже традиционная «Выставка вооружений и военной техники». НИИТМ тоже презентовал несколько своих разработок. Наш отдел приготовил сюрприз: дроида, неотличимого от живого существа. Собственно говоря, произошло тихое ЧП. Наш дроид... сбежал от Анжелки, молодой симпатичной блондинки – сотрудницы ТВК Континент, и, пока она ела «Валемидин», истерично рыдая в медкабинете, он неопознанный болтался под ногами посетителей выставки, которые только молча косились на средних размеров чёрную кошку. Чёрт, в общем, и на самом деле был кошкой, только дохлой; моя опытная микросистема поддерживала в теле животного жизненные функции и принимала решения, имитируя поведение. Самое смешное, мы и не ожидали такого качества адаптации от системы Чёрта: в отделе он ни разу не показал ничего столь же совершенного. Тканевый гомеостаз в норме, рефлексы в норме, простейшие команды более-менее исполняются. Игрушка, словом: всё понимает,

только не говорит. А тут – кошка-кошкой! Высочайшая имитация. Поймали его секьюрити замминистра, которому Чёрт прилюдно нагадил на башмак. И как угадал?

Скандал утрясли, а я запатентовал изобретение – микро-систему ОКС-Био... Потом мне позвонил одноклассник, сообщил, что мною интересовался сам г-н Юхан Винкстрём, и предложил переехать в столицу. Я, разумеется, не отказался: работать в «Анимал Системз» значило быть на пике современной науки и технологии – это престижно и интересно. Теперь пишу подстроечные, по сути, фрикерские, программы для обучения распознающих блоков искусственно выращенных организмов.

Широкая презентация нашей продукции устраивалась впервые. Дело в том, что депутаты городской Управы облажались в прогнозах и спешно секвестрировали бюджет. На академические разработки, соответственно, денег не дали. А процесс запущен, нужны ингредиенты, дефицитные, недешёвые... Зарубежные партнёры раскошелились на аренду зала на Красной Пресне и этажа в гостинице Украина, что неподалёку от Экспоцентра.

Большой зал был полон людьми, часть из которых мотается по всему миру с саммита на форум, с форума на международный салон, оттуда на дефиле, фестиваль или карнавал – и так по кругу. Вторая половина – тихие и незаметные фигуры, чьё мнение всегда компетентное и решающее. Иностран-ные профессора заинтересованно переговаривались вполго-

лоса, крупные бизнесмены молча ожидали, что перед ними появится нечто, способное дать им бесконечное счастье в виде барыша. Всех сопровождали старые крашенные жёны или юные голубоглазые секретари. Мой шеф, Юхан Винкстрём, хитро и таинственно улыбался, наблюдая, как в кулуарах гостей обслуживают и лёгким флиртом развлекают стройные красавицы в дизайнерской униформе с эмблемой ASY.

В тихом ропоте ожидания различалось не менее пяти языков. Мужчина в халате с бейджем, полным лицом с голубыми глазами, походивший на моего отца, оставшегося в Омске – Джек Маккол. Он профессор одного из университетов Америки. Протянув несколько строк из гимна корпорации ASY, он гордо взял край занавески и, не торопясь, явил гостям ЭТО. Игроков в покер в зале не оказалось. Выражение на лицах стало умилённым, ахали на разных языках, восторженно тянули гласные. Как замороженные, серьёзные взрослые, даже старые люди входили в экстаз, глаза горели азартным огнём. Каждый желал говорить с Юханом, увидеть учёных, каковым будет уготована работа над... *идеальной женщиной*, но не синтетической и холодной, а живой и тёплой.

Узрев большой, в человеческий рост, аквариум – «капсулу жизни», гости благоговели, бормоча невразумительное – то, что понималось с трудом. Что там говорить, даже я и мой японский друг Норимура, некоторым образом связанные с этим процессом, не могли отвести взгляда от красивой де-

вушки, спящей в капсуле; мои руки невольно тёрли одна другую, шарили в карманах белого халата. Внутри закрытой светофильтром и обёрнутой в тёмную полиэтиленовую оболочку «капсулы», точно замаринованный в маслянистом растворе, едва заметно покачивался силуэт андроида. Цепочки пузырей, бурля, тянулись из кольца форсунок в никелированном основании, играли с длинными волосами, волнами разбрасывая их по плечам и груди искусственного тела.

– Все мы, дамы и господа, мечтаем об идеальном партнёре. Я говорю о партнёре не только по бизнесу! – улыбнулся Джек в сторону раззявивших рты «денежных мешков». – А теперь! – нащупав пульт в кармане пиджака, он сменил фоновую экспозицию. Волосы девушки медленно сползли на стройное тело. – Проект «Идеал» к вашим услугам!

Многоязыкий ропот слился в один протяжный вздох, и вот вперёд шагнул пухлый араб в клетчатой арафатке, с лицом, напоминавшим дублёную кожу. Правой рукой он прикоснулся к тёплой капсуле и несколько секунд оглаживал колбу аквариума, схватившись левой рукой за край своей ослепительно белой мешковатой одежды. Олигарх из пустыни от волнения забыл вступительную речь, и его помощник тихо подсказал. Вопрошающе протянув волосатые руки, Фарух Насри проговорил длинную фразу, смысл которой переводчик пересказал по-английски. Юхан Винкстрём молчал, испытующе глядя арабу в глаза, тот стоял, скрестив руки; пальцы унизаны перстнями с крупными бриллиантами и ру-

бинами.

– Если не ошибаюсь, – ответил Алексей, тот самый одноклассник, на мой вопросительный взгляд. – Он запал на пупсика и хочет эту... сделать любимой *наташкой*.

– Впечатляет!.. – только и произнёс я. – И почему это у «южных человек» все белые женщины – Наташки?

– Фиг поймёт! По-ихнему «натака» – говорить. Это полатыни «наталия» – м-м-м... рождающая. Гарем – это типа «пашня» или «нива», в Коране написано...

– Вот обломается! – добавил он.

Эмоциональная речь, произнесённая Фарухом с переводом по-английски, без труда понималась как предложение о дальнейшем эксклюзивном финансировании проекта. Разногласия возникли мгновенно: не один араб управлял большими венчурными фондами, нашлись и другие, жаждущие вложиться в проект.

– У него наверняка полно наложниц, – предположил я, рассматривая панель управления системы жизнеобеспечения и ЖК-монитор, являвший кардиограмму спокойного пульса девушки-андроида в режиме сна. Джек Маккол, услышав это, усмехнулся, и, коснувшись пальцем ямки под правым ухом, словно нажимал невидимую кнопку, пояснил свой жест... и я вздрогнул, смысл потряс меня! «Человек, не рождённый из чрева матери, мог быть человеком только внешне, это и привлекало богачей!» Им настолько приелись земные существа...

Царила праздничная атмосфера: гости со своими супругами и секретарями разошлись по Экспоцентру, благополучно забыв и организаторов презентации, и «гвоздь программы». Девушки из ASY снова без промедления приступили к своим «динамическим» обязанностям, соблазняя раскошелиться на пожертвования в пользу бездомных поросят.

Несколько невзрачных фигур окружили капсулу – продолговатую прозрачную стеклянную емкость, расположенную горизонтально. Они разглядывали содержимое с нескрываемым интересом.

– Г-н Винкстрём, – строгая дама в сером с причёской каре и глазами навыкат пожевала дёснами, – неужели так необходимо представлять образец в обнажённом виде? Весь прогрессивный мир стремится освободиться от предрассудков, и никого уже не раздражает появление людей обоего пола в общественных местах в стиле «ню». Но не кажется ли вам, что представлять искусственного раба в облике женского тела – недопустимый сексизм и мужской шовинизм!?

– Уважаемая э-э... Люциферия Христофаговна, – встрял немолодой худощавый очкарик в твидовом пиджаке в клетку.

– Люция Христофановна, – сварливо одёрнула его дама. – Попрошу не ёрничать, мсье Габриелян!

– Господа, не ссорьтесь, будем корректны! – призвал шеф. – Ваша размолвка на симпозиуме в Хельсинки... Извините.

Джек Маккол приступил к объяснениям, благо аудитория осталась понятливая.

Медленно обойдя вокруг капсулы, всяк выражал изумление согласно национальным особенностям. Некоторые раскрыли рты, округлив глаза, другие морщились, будто проглотили противную микстуру: на шее и вдоль позвоночника девушки, на руках, на чуть согнутых коленях – с наборами миниатюрных канюль, доставляющих организму питание, и тончайших золотых электродов, крепились большие пластины; назначение всей этой арматуры сейчас со слов Джека излагали на нескольких языках переводчики. Большинство присутствующих экспертов отпускали скептические реплики.

Уловив суть возражений, Алексей пояснил и мне, и я, вытянув губы, кивнул с видом знатока. «Недостаточна культура производства» – это фактор, способный влёт сшибить любую смелую новаторскую идею.

Пластины служили временным интерфейсом сложного генератора, вызывающего специализацию стволовых клеток «зародышевой нити» – исходной биотехнической цепочки – и дальнейший ускоренный рост. Внешние импульсы способствовали крайне быстрому обмену веществ: синтетическое существо росло не по дням, а по часам. Этому образцу бы-

ло месяцев семь, а выглядел он как пятнадцатилетняя девушка. Сложная технология, разработанная одним из японских профессоров, который с достоинством принимал поздравления. Правда, не все так высоко ценили вклад учёного Востока. Джек, постучав указкой по стеклу капсулы, ткнул её именно в те места, где крепились хромированные пластины. Упомянув фамилию профессора, исковеркал имя, и добавил, что тот немного поспособствовал в конструировании генератора. Профессор встрепенулся, как воробей, вперив полный возмущения взгляд в американца. Джек, виновато улыбнувшись, не извинился.

Эксперты и деловые господа, осмотрев и выслушав всё, что мы имели им предложить, отправились в номера гостиницы «Украина». Шеф с присными также переместились туда, чтобы порешать вопросы подписания контрактов. А мы – Алексей, Норимура и я – остались разбирать экспозицию.

– Слушайте! Мы их больше не увидим, – тихо произнёс Норимура. – Проект переходит к другой группе.

– Кому? – быстро спросил Алексей.

– Как? – побледнел я. Казалось, мир, теряя цвет, безнадежно рушился.

– Сасаки-сэмпай уверен, что араб увезёт их. С арабом прибыл знакомый ему ихтиолог-генетик. Они задумали модифицировать образцы.

Образцов было несколько. Я не знал, сколько – допуска в отделение дорашивания не имел. Но, судя по вариантам соб-

ственного задания, не меньше трёх. Я выпросил фото у шефа – для вдохновения, так сказать. Приятно ведь трудиться над абстракциями, если представляешь, для кого твои труды предназначаются. Я подозревал, что хитрый Юхан подсунил мне фотку собственной дочери. Впрочем, даже обмануться был рад – девчонка миленькая, даже красавица. Над программой её обучения я трудился охотнее всего... И только тут, в момент презентации, когда Джон сорвал покровы тайны, я узнал ЕЁ...

Они... пропадут... их изуродуют, отрастят плавники и жабры, от неё, лупоглазой, с мелкими острыми зубами, станет вонять тиной и тухлыми ракушками – исчезнет из мироздания единственная понравившаяся мне девушка – чистая, тёплая, нежная, – а с ней перестану жить и я.

Перспективка! Снова окунуться в неинтересную реальность: стану пропадать за созданием примитивных программ для бестолковых игрушек. Сушим ужасом для меня была бы потеря тайной любви, открывавшей во мне запас тепла и терпения ради лучшей жизни, бытия без мрака, порой докучавших перед сном мыслей.

Я вернулся домой опустошённый. Копаясь в себе и рассматривая с балкона маленькие фигурки людей, спящих по Новому Арбату, не мог понять ту странную силу притяжения, подействовавшую на меня. Неужели фраза Джона Маккола относится и ко мне самому? Неужели я тоже пресыщен-

ный извращенец, мечтающий о женщине-роботе оттого, что боюсь трудностей отношений с женщиной настоящей? И не потому ли я стал программистом – так выражается моя трусость. Я хочу контролировать чужие мысли. Я опасаясь, что та, с кем мне придётся связать судьбу, не оценит меня как мужчину – не сможет или не захочет меня понять, не станет делать для меня то, что я пожелаю, и начнёт манипулировать мной. Появятся тягостные подозрения, что она, таща меня в брак после первого поцелуя, намеревалась использовать меня и выбросить. А я, распалённый непривычными желаниями, знал, и с совестью шёл на компромисс: я соглашался быть её рабом ради крошек со стола её жизненного пиршества. И с этим уже ничего не поделаешь, кроме возможности научиться лгать... себе.

На исходе дня, изголодавшийся желудком и уставший от душевного самоедства, я одиноко сидел за столом. Поглощая торт маленькими кусочками, перелистывал толстую кипу иностранных научных журналов. Буквы расплывались. Перестав обращать на них внимание, я нашёл фоторепортаж исследования некоего профессора А. Эми, связанного с клонированием высших приматов.

Опыты, похожие на вскрытие в морге заживо, наводили жуть. Я в прошлом как бы не касался физиологических аспектов нашей работы – этим занимались медики: препарировали, вживляли, чего-то там лечили-налаживали... Моя запатентованная микросистема была теоретической находкой.

Картинки Москвы, винтажно уложенные под стеклом на столешнице, поплыли, сливаясь мутными пятнами. В голове не укладывались приёмы, использованные подручными профессора-людоведа.

– Неужели и мы в «Анимал системз» творим такое с неудачными образцами? – ужаснулся я. – И теперь какой-нибудь потный волосатый Саид-бабай-оглы вскроет позвоночник моей нежно любимой красавицы ржавым лазерным скальпелем, чтобы переделать в вонючую рыбу?

Они не «образцы» – живые люди, а их превратили в подопытных кроликов!

С небывалым отвращением я почувствовал тошнотворный комок в горле.

* * *

Страх улетучился, лишь я миновал охранника. Пропуск подделан: нарыл в базе бланков АSY похожий, и оффотошопил по памяти, чтобы выглядело как вчерашний, полученный для сопровождения «образца». Юхан теперь уволит ответственную секретаршу... или собственноручно утопит, если она не сумеет превратиться в рыбу.

Внутри помещения ангара царила приятная прохлада: кондиционер едва шуршал, настроенный на мягкий режим. Полумрак, пронизанный тусклым вечерним светом, создавал атмосферу таинственности. Слышалось ритмичное пи-

канье вразной панели управления. Капсул для доращивания было шесть – в два ряда, между ними проход прямо от двери.

Ноги привели меня к длинному шнуру, уходящему в потолок. Недоверчиво поглядев на дверь, я, подбадривая себя верой в правое дело, нагнулся и отсоединил кабель антенны.

– Идиот! – обругал я сам себя. – Влюблённая тетеря!

Внезапно меня осенило предположение, от которого руки затряслись, страх вернулся: сигнал, оповещающий о неполадках системы, о непредвиденном изменении статуса образцов внутри капсул, мог быть закодирован на контрольные отметки, периодичности которых я не знал.

Я нервно сглотнул комок в горле и шагнул вперёд. Действовать нужно по-мужски – быстро, решительно, грубо. Я робот-варвар – опустошитель! Но, как назло, дыхание стало неровным, сбивчивым, выступил холодный пот, сдавило виски. Пройдя между капсул и облокотившись о холодный пластик панели, едва не упёршись носом в толстое стекло, я разглядел в мутной суспензии силуэт той девушки, что мучила разум во сне, не давала покоя днём. Колотило дрожью, ноги и руки не слушались, в голове царил пустота, перед глазами туман. Очки запотели? По спине лизнул обжигающий холод: крайне неприятно жить, когда родился трусом!

Таинственный естественный свет внутри капсулы обнаружил движение тёмного силуэта. Образец не спал! Неясным осторожным привидением искусственное существо кач-

нулось в мою сторону, приблизилось настолько, что моментально вспыхнувший лазурный блеск двух глаз-топазов ослепил меня. Огромные глаза пристально взирали мне в лицо, казалось, изучали с бесконечным интересом. Я понимал, что отступать поздно. В начале драки трус вроде меня всегда ощущает кратковременный истерически неистовый прилив сил. С таким ощущением я никогда не мог справиться, и вот это накатило на меня – в ответственный миг борьбы за любовь мои ноги снова подкосились. Я сдавленно закричал, падая и скользя, задел кнопки. Основание капсулы треснуло, выпустив с шипением какой-то газ – звякнув о стеклянный корпус никелированными втулками, отскочили пневматические замки. Капсула покачнулась, выпала из основы. Дрогнув на высоте четырёх футов, колба лопнула, выстрелив маслянистой водой, крупные толстостенные обломки с грохотом рухнули на пол. Всхлипывая, изгибаясь нагим телом, девушка упала на порог тревожно зазвеневшей панели. Иглы и канюли, понатыканные в тело девушки, по моей вине утратившей состояние блаженного барометрического равновесия, врезались глубже, разрывая и раня. Издав крик, тут же перешедший в плач, она отдирала пластины, полные золотых иголок, судорожно вытаскивала из себя катетеры. Кровь брызнула тонкими струями, окропив монитор и никелированное основание капсулы.

Я не великий умелец в оказании медпомощи – так, кое-в чём разбираюсь, – но в тот момент меня это даже не беспо-

коило. Залижем, заклеим, залечим потом! Главное – бежать! Грохот был такой, что вот-вот сюда примчится вся охрана.

Кровь моя неистово билась о стенки сосудов, будоража сознание. Кровь струилась на пол из ран моей освобождённой, нет, «новорождённой» любви!.. Её тут не меряно! – стиснув зубы, прикинул я. Вспоминая названия сильных противовоспалительных и бодрящих препаратов, я торопливо снял со стены аптечку. Открыл, провёл пальцем по иностранным названиям. Слава Богу и неутраченному навыку чтения иноземных букв, что их произношение совпадало с теми названиями! «Никтоферол», «Ксозин», «Тригермол»... мощнейший транквиль... они что же, нарочно тут держат химическое оружие, придурки? – хмыкнул я. – Или кто-то, имеющий доступ, тоже?.. Джек?.. Неважно!.. Она не погибнет, нет, она – моя!

Всосав нужную ампулу в пистолет-шприц Калашникова, я «стрельнул» в подключичную впадину девушки. В шею, как в кино, не рискнул: вспомнил, в отечественной медицине это запрещено. Она перестала трястись, обмякла, дыхание восстановилось.

На удивление долго не реагировала охрана, наверное, поблизости никто не маячил. Это прибавило мне смелости – я присел рядом с девушкой, приподнял ей голову и энергично растёр затылок и лоб, стимулируя кровоснабжение мозга. Она вздрогнула, охвативший шок, казалось, нагревал тело. Лоб и щёки её запылали огнём. Мою ладонь даже обожгло,

затем температура стремительно восстановилась, и девушка меня увидела.

– I am... I am... What's happened? – глаза неистово горели, словно два светло-синих драгоценных камня. Их мерцающая тревожная глубина требовала ответа. Маленькие ноздри подрагивали, медленно, будто бы с опаской втягивая воздух. Я растерялся. Она в принципе не должна ещё разговаривать! А тут – грамотное построение фраз, чистое произношение... Как? Кто??? Не ища ответа, я кивнул, а она, моргнув, отрёшённо проговорила:

– What... was that? It hurts...

Я, сглотнул, метнув недоверчивый взгляд на дверь ангара. Стимулятор, казалось, насытил кровь не ей, а мне. Зарядив в пистолет большую ампулу транквилизатора, я положил палец девушке на губы, прислушался. Громко пикала лишь одна панель.

– Answer me, please! – болезненно прошептала она, приподнявшись.

Гулкие шаги снаружи не сулили ничего кроме головной боли. Я быстро встал у двери. Охранник, держа половину пирожка, заглянул внутрь:

– Что случилось?.. Вы...

Я, вытащив из-за спины пистолет-шприц, вколол бедняге импортный транквилизатор мгновенного действия. Детина, не успев ахнуть, свалился тут же у порога и погрузился в глубокий долгий счастливый сон, отогнать который вряд ли

мог даже нашатырный спирт.

Девушка неловко села, прислонившись плечом о панель своей родной взломанной капсулы, непонимающим взглядом окинула помещение, утонувшее в полумраке. Проведя босой ногой по скользкому полу, попыталась подняться, но, стиснув зубы, только всплакнула. Боль возвращалась, и силы покидали тело. Всё-таки у неё не человеческий метаболизм.

Я понял: разнообразные сюрпризы неминуемы. Выудив из гардеробной рабочий халат, я вернулся. Без сознания она лежала на полу. С трудом приподняв и надев на неё чистый халат, я подхватил девушку на руки. Ноша показалась мне лёгкой и холодной, точно снежинка.

Я беспрепятственно вынес её за территорию на улицу, побежал на стоянку, где заметил машину с чёрно-жёлтыми шапечками. Люди останавливались, бросали на меня изумлённые взгляды.

– Несчастный случай! – повторял я срывающимся голосом.

– Куда едем, к Склифосовскому или сразу в ЗАГС? – спросил догадливый таксист; голос был смутно знакомый.

* * *

Словно джигит, умыкнувший невесту, не дожидаясь лифта, с ношей на руках взбежал я по лестнице, прыгая через ступеньки. Руки онемели, но адреналин жёг кровь, а кровь

давила виски. У двери в квартиру мне пришлось повозиться с замком, но я победил – пинком распахнув створку, втиснулся, наконец, в своё логово. Обессилев и свалившись на диван вместе с ней, я пролежал без движения некоторое время. Пелена безумия медленно сходила с глаз, и теперь тревога неотвязчиво отдавалась в груди.

Я не верил себе, не признавал свой поступок целесообразным. Невольно обронив несколько бессвязных фраз, сел у стены. Как я мог решиться на столь необдуманый поступок? Беззаконие! Крах всей моей жизни, такой устроенной, такой успешной... Охранник меня видел, сейчас меня ищут. Придут сюда – знают, где я живу...

Сомнения наведывались в голову снова и снова до тех пор, пока я не услышал тяжёлый вздох, который будто застрял в лёгких девушки и кашлем вырвался наружу. Свесив голову и руки, она повернулась удобнее, волна всё ещё влажных тёмных волос упала на щёку.

Девушка пришла в сознание, и по тому, как она поджала дрожащие руки под намокший халат, я понял, что её морозило. Пришла пора действовать разумно! Без слов я накрыл её одеялом, достал из шкафа кое-какую свою одежду – водолазку, шерстяной свитер и тёплое трико, вязаные толстые носки. Вещи выложил перед девушкой на тумбочку и деликатно удалился в кухню готовить горячий напиток. Несколько минут хватило, чтобы она переделалась, и, по знакомому характерному скрипу дивана, я понял, что девушка вновь

спряталась под одеялом.

* * *

– Are you ok? – спросила она дрожащим шёпотом, отставив пустой бокал на тумбочку.

Огромные печально-взволнованные глаза излучали лихорадочный блеск. Она то и дело прищуривалась и вздрагивала, замирала, будто прислушиваясь к стуку собственного сердца. Отирая слёзы, облизывала пересохшие губы. – Ты порядок? – Остренький носик придал ей сходство с любопытным хорьком.

Я вскинул брови. Человеческая радость в груди от того, что моя любимая сама проявила интерес и заговорила со мной, смешалась с удивлением учёного. Первая осмысленная фраза её, обращённая ко мне, по идее должна быть иной. Я же программист, у меня профессиональная логика. На мой лоб заползли морщины, но лицо просияло. Девушка недоумённо вгляделась в меня, пытаюсь отыскать в своих файлах объяснение такой эмоции.

– Твоими журналы русский, я так узнать – показала она, истолковав мою гримасу как недоумение. – Русский я уметь мало – учи не хотеть, – она улыbnулась. – Джулис меня имя.

– Виктор... Витя! – радостно ответил я. – Можешь по-английски, я понимаю.

– Do you live here? – спросила она, оглядывая мою холо-

стяжку однушку. – Твой жильё такой, мусорный? Я потом всё тут убирать, я уставать очень.

Она подтянула колени к груди, свернувшись в клубок, плотнее укуталась одеялом. А я, подложив под её голову подушку, не осмеливался будить.

– Почему нас не искали? А вдруг я убил охранника... передоз там, или аллергия? – мучительно гадал я. Чёрт! Что же я натворил, влюблённый кретин! Надо собраться... иначе с ума сойду. Буду считать, что никто не умер – просто на меня не думают, мне ведь нечего делать в зоне дорастивания образцов! Так же точно могут подозревать и Алексея, и Норимуру... этого в первую голову – у японцев, как я понимаю, свои тёрки с Джеком. Наверняка в лаборатории уже шуруют криминалисты из ФСБ, кровь охранника промоют, вены ему прокапают... Часа два у меня, похоже, есть форы.

Через некоторое время я почувствовал: нам пора собираться, спать совсем не следовало. Я занервничал. Когда же она очухается-то? Будить девушку не хотелось. Чтобы отвлечься, я в уме подсчитал заработок за период работы на Юхана – на карточке должна скопиться приличная сумма. Блин! А если карта заблокирована! Повышенная нервозность как всегда растравила у меня неуёмный жор и погнала к холодильнику. Подкрепившись остатками торта, я подождал ещё немного. Поёрзал на стуле рядом со спящей Джулис, заглянул ей в лицо. Она срубилась основательно и, по-

хоже, надолго – в мёртвый сон, тяжёлую пелену которого ничем не удастся снять. Вот когда я пожалел, что не держу дома мощной стимулирующей химии! Не кофе же ей вливать в ухо! Смех!

Время реально поджимало, с каждой минутой на душе становилось тревожней. С остервенением я продолжал сжимать в руках телефон, и готов был задушить его – дабы тот ни в коем случае не зазвенел, высветив нежелательные имена.

– Джулис... – погладил я девушку по щеке, тёплой, точно розовый мрамор. Потрогал холодный нос... когда мой Барсик болел, то нос у него был тёплый, почти горячий... успокоился. – Джу...

Она будто кошка фыркнула, недовольно поёжившись. Не открывая глаз, показала маленькие клыки. Я, сглотнув, предпринял другую попытку – пощекотал шею. Джулис что-то пробормотав в ответ, всё-таки открыла глаза.

– Вставай! Мы опоздаем! – прошептал я. – Отдохнёшь потом. Поспишь хоть десять часов.

– What's wrong, Vitya? Calm down...

Я проявил настойчивость и сам удивился, как девушка послушалась.

– Спина больно, – пожаловалась она, повернулась на живот, подняла кофту. – Что такое?

Я ужаснулся количеству красных точек, оставшихся после длинных иголок. Молчал, подыскивая нужные слова.

– Ничего страшного, – ответил я неуверенно. – Бывало и похуже.

– Ок... Завтра Эндрю взять я на «Грифон», – медленно и осторожно, чтобы не растревожить боль, Джулис, держась за мою руку, поднялась. – Мы ехать к ним?

– Конечно, – улыбнулся я, погрузнев.

Вот так. Уму непостижимо, как можно было объяснить, что она являлась заложницей виртуального мира? Я, значит, писал алгоритмы параллельного мышления, корпел над характерами, а кто-то другой программировал им реальность, чтобы спали и видели всякое «про жизнь»... Кроме Джека некому... А теперь, когда тот араб начнёт кромсать им геном, что девчонки увидят в кошмарных снах, превращаясь в русалок? Жуть какая!

– Ты английский говорить можешь?

Я покачал головой:

– Учился в институте иностранных языков – давно, – и на стажировку ездил в США, а теперь подзабыл.

– У-ум, – раздосадовано протянула она, потупившись. – Я не понимаю, почему я учить русский язык... заставил Эндрю... Столько падежей, окончаний тоже много. Не удержать их в голове.

«Солнце моё, – подумал я, – это тебе ещё финский не преподавали... там не семь, а тринадцать падежей...»

Девушка, слабая, точно пробившийся сквозь старый ас-

фальт весенний росток, ещё дрожала. Поморщилась, выказав пренебрежение к пельменям в сметане. Чем кормят андроидов, я понятия не имел. Аппетит не вернулся, заключил я, отыскивая номер телефона службы такси в справочнике.

– Есть у тебя такие – красные... смотри?... – бледными тонкими пальцами она пыталась изобразить что-то похожее на бублик. – Они не варёные и не жареные. Салат с ними не сделать – фигуру толстый, некрасивый. Понимаешь?

– Примерно. В буфете покажешь – я куплю. Поторопимся! Можем попасть в пробку: много машин и медленно ехать!..

– Rush-hour!

– Точно.

Я оглядел её целиком. Смущённо пропустив взглядом большую грудь, прикинул возможные варианты одежды. Она выглядела вялой, точно варёный стебель спаржи, норвила упасть на диван и проспять ещё долгое время. Силы восстанавливались медленно и неохотно, спина, наверное, продолжала ныть, и голова держалась на шее слабо, падала на плечо, отчего ей пришлось вцепиться пятернёй в волосы на затылке. Сведя плечи назад, и выгнув поясницу, она дернулась, будто кто её укусил.

– Внутри – не понимаю, – пожаловалась она, сдвинув густые чёрные брови. Ощущение такое, что каждое движение давалось ей с трудом. Естественно, её реальностью до сих пор был герметичный покой и контролируемый мир воображения. А теперь, принимая непривычные физические на-

грузки нелогичного и грубого реального мира, девушка испытывала дискомфорт. Подняв дерзкий, выпирающий точно полумесяц, подбородок, она неуверенно прошла до окна. На улице темно, и разглядеть ничего, кроме огней фонарных столбов и освещённых окон напротив, не удавалось.

– Погаси... бра!

Я выключил светильник, и Джулис, вытянув шею, ударила лбом о стекло.

– Ауч! – потёрла она лоб и резко повернулась. Волна очень длинных вьющихся волос прикрывала лицо наполовину. На фоне широкого окна, в ореоле лунного света темнела её изящная фигура. – Там не Америка.

– Москва. Россия, – пояснил я, изумившись, с какой гордостью произнёс два простых слова. – Мы летим в Америку. На Гавайи. Для начала одежду подыщем тебе. Согрелась? Ну... тепло тебе?

Грея одну ступню о щиколотку другой, она переминалась с ноги на ногу.

– Лучше, но внутри не очень, и спина – тоже, – Джулис включила свет, быстро подошла ко мне. На круглых щеках появился здоровый румянец. – Покупка... люблю шопинг, – глаза, в которых сочеталось множество цветов, полыхнули азартными искорками, отразив радугу сливающихся оттенков.

Хлопая ресницами, она загадочно смотрела на меня. Что-то во взгляде Джулис меня напугало. Сквозь палитру сия-

ющих влажных радужек, сквозь чёрные расширенные в сумраке зрачки на меня изучающе воззрилось нечто магическое, зародившееся в ней давно, и отвести глаза оказалось непросто.

Скрыв необъяснимый, кольнувший душу испуг, я присел на одно колено, уткнулся в справочник. Джулис, тяжело вздохнув, легла на диван, свесила голову на плечико, молчала. Просто молчала и глядела на меня, но я чувствовал на себе пристальный взгляд. Что происходит с женской душой, когда так смотрят? Не хотелось верить, что это всего лишь аппаратная подстройка портов моей любимой... Непонятно почему пробило мелкой дрожью, и в руках возникло напряжение, будто некая сила, взломавшая мой геном, пыталась управлять на уровне клеток. Так, наверное, разогревается еда в микроволновке. Так, быть может, чувствует себя и растущий, изменяющийся образец-андроид – они тоже летают во снах?

Невольно избегая заинтересованного взгляда Джулис, я нашёл единственное рациональное объяснение: перетерпел сегодня чересчур, перенервничал. Выдаст себя и поёжится только слабак, я в этом был убеждён. Заложив между страниц телефон, деловито собирал сумку.

Зазвонил мобильник.

Сердце ёкнуло, трясущимися руками я схватил трубку. Алексей...

– Да, Лёха!

– Привет, Витёк, как там она?

– Нормально... А кто? – тупанул я.

– Да вот, я сегодня ехал на обед и подвозил влюблённых

– Кинг-Конга с Дженни... Ты чего, меня не узнал?

Я промолчал, с трудом соображая, зачем он звонит? Может, меня пытаются засечь?

– Слышь, Витя, не тормози. Я всё понимаю. Тут скандал до небес из-за тебя, но ты молодчик, поступил по-пацански. Короче, слушай: на тебя не думают пока – трясут Юхана. Он выращивал твою невесту для своей дочери. Девчонка больная смертельно, и никак не спасти. Винкстрёмы собирались переселить её в это тело, которое ты спёр. Ты уже заметил – она нереально восприимчива, как пылесос «Ракета»? Хотя откуда тебе... неопытный... В общем, денежку, если накопил, с карты снимать всю не обязательно, сотни четыре баксов хватит – это раз. С бортом в Шереметьево я устрою – явитесь к 2.15 на грузовой терминал. Опоздаешь – убью. Это два. Всё, Ромео, отйоб! Отбой, то есть.

Я глянул на время: 21.20. На душе праздник – Лёха, вот настоящий корефан!

Проститься с Новым Арбатом не составило труда: после Нью-Йорка, ошеломившего меня когда-то, я не сумел привязаться к Москве. Тоски по родным местам словно не существовало: она воспарила, растворилась в ночном прохладном воздухе, смешалась со звёздами в чернильно-синем небе, попала под сильные чары бледно-жёлтого круга луны и не воз-

вращалась на землю. Остались продукты в холодильнике, жидкокристаллический дисплей с крутой акустикой, мебель, недоработанные программы и не реализованные идеи, но сожаление не навещало. Я расставался всего лишь с помещением, где жил как многие люди. Точно заряженные током, мысли мои обшаривали заметки на полях случайной памяти, изощряли способы транспортировки нас двоих через океан без заграничных паспортов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.